

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

Волшебный свет любви

Сага о любви

Книга вторая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Разработка художественного оформления *Екатерины Фerez*
Компьютерный дизайн *Анастасии Орловой*

Батракова, Наталья Николаевна.

Б28 Волшебный свет любви. Сага о любви. Книга вторая :
[роман] / Наталья Батракова. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 448 с. — (Формула счастья).

ISBN 978-5-17-097333-0

С чего начинается любовь? Как ее сохранить? Как простить любимому человеку то, что едва не разрушило твою жизнь? Как простить это себе? Признать свою вину и извиниться — это победа или поражение? И что ждет в итоге — награда или полное забвение?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097333-0

© Батракова Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть 3

В ней все не так и все не то:
Дерзка, не в меру горделива,
Упряма, чересчур умна,
Не так уж, в общем-то, красива.
В ней все не так, не эталон,
Но что-то все-таки пленяет...
От взгляда светится душа
И нежностью переполняет.
Не совладать с самим собой,
Сплошное самоистязанье.
Уста сковало немотой:
Так страшно вымолвить признание,
Что столько лет ее искал!
Душой все это понимаешь...
...Так что ж ты смотришь ей вслед?
Зачем ее ты отпускаешь?..

1

Катя открыла глаза и близоруко прищурилась: белые стены, белая мебель, белая постель, белая тюлевая занавеска.

«И на душе точно так же белым-бело, празднично, торжественно, — прислушалась она к себе и улыбнулась. — Какая сказочная ночь! Именно о такой ночи я мечтала всю жизнь! Какой же он красивый, сильный, нежный, внимательный! Почти принц... Не зря говорят: все, что ни делается, к лучшему. Второй мужчина в моей жизни... И все совершенно иначе... Как же хорошо...» — почувствовав пробежавшую по телу волнительную дрожь, она закрыла глаза.

Сквозь неплотно прикрытую дверь из гостиной в спальню проносил далекий механический звук, затем слышались приближаю-

щиеся шаги, и в комнату кто-то вошел. Чуть размежив ресницы, Катя рассмотрела туманное очертание мужской фигуры в белом халате: сбросив его на банкетку, фигура стала медленно поворачиваться. Заметив это, Катя снова сомкнула веки и притворилась спящей.

Вадим, принеся с собой тонкий аромат свежесваренного кофе, осторожно заполз под одеяло, глубоко вздохнул и замер. Так прошло несколько минут. Устав чего-то ждать, Катя приоткрыла глаза. Ладышев лежал на спине и, подложив руки под голову, смотрел в потолок.

Затаившись, она принялась внимательно рассматривать его профиль: большой лоб, лохматые горбики бровей, прямой нос, глубокая линия плотно сжатых пухлых губ, волевой подбородок, мощный торс, покрытый довольно густой темной растительностью.

«Аполлон, да и только, — она расстроено вздохнула. — А рядом с ним — бесформенный сдутый шарик. И всему виной очередной курс гормонов, который даже не пригодился. Надо срочно сесть на диету! Завтра же. Купить весы и записаться на массаж. Может, хоть за эти нервные недели немного похудела. Если возьмусь за себя, к Новому году вполне смогу вернуть более-менее приличную форму».

Воодушевленная этой идеей, она решила, что пора «просыпаться», и пошевелилась под одеялом.

— Проснулась? — тут же отреагировал Вадим и посмотрел на часы на руке: — Половина одиннадцатого. Как спалось?

— Хорошо... Даже очень... — потянулась она под одеялом. — Доброе утро! Такой аромат... Ты сварил кофе?

— Да, сварил, — кивнул он. — Вернее, кофе-машина сварила.

— Обожаю кофе по утрам!

Оживившись, она присела на кровати, подложила под спину подушку, прикрыла грудь одеялом и, заметив во взгляде Вадима недоумение, неуверенно спросила:

— Что-то не так?

— ...Ты хочешь пить кофе в постели?!

— А что? Чашечка утреннего кофе мне не повредит.

Прищурившись, она посмотрела на белую прикроватную тумбочку с другой стороны кровати, повернулась к своей, задержала близорукий взгляд на белоснежном постельном белье. Чашки с кофе нигде не наблюдалось. Скорее всего, приятный аромат приплыл в спальню вслед за хозяином. А она, глупая, решила... Привычка: по утрам Виталик частенько оставлял для нее на прикроватной тумбочке чашку с кофе. От этого дразнящего запаха она и просыпалась.

— Вообще-то, можно и на кухне выпить, — смутилась она, понимая, что допустила какую-то оплошность. — У тебя есть еще один халат?

— Нет.

— Свой можешь одолжить?

— Держи.

Повернувшись спиной, Катя набросила на плечи пушистый махровый халат, опустила ноги на пол.

«Холодный, — тут же отметила она. — И не только пол. Похоже, красивая ночная сказка растаяла вместе с остатками сна: ни тебе «доброго утра», ни нежности, ни теплоты. Размечталась: кофе в постель! Судя по всему, «половина одиннадцатого» — не что иное, как намек: пора и честь знать! Черт! Где же я оставила вчера линзы? Кажется, рядом с умывальником».

Прошлепав босыми ногами до двери ванной, совмещенной с хозяйской спальней, Катя закрыла за собой дверь, прислонилась спиной к кафельной стене и осмотрелась: просторная комната с джакузи, большой душ-кабиной, с безупречной по стилю и чистоте сантехникей и окном в полстены. С вечера все это разглядеть ей не удалось, не до того было.

«А за окном на самом-то деле серо и мрачно, — подойдя ближе, заглянула она в приоткрытые жалюзи. — Снег метет, погода — дрянь. Хорошо хоть здесь пол подогревается. Так, все ясно. Надо принять душ и собираться», — стянула она с плеч халат.

Однако с душем никак не получалось. Угловая стойка в кабине, изобиловавшая краниками и кнопочками, жила своей интересной жизнью и категорически отказывалась подчиняться Кате: то холодная вода, то горячая, то больно бьющие одиночные боковые струи, то ледяной поток как из ведра. Взвизгнув несколько раз от неожиданности, она покинула кабину.

«Навороченная, как и сам хозяин», — раздраженно подумала она и в сердцах хлопнула дверцей.

Волшебное состояние, в котором она проснулась, исчезло напроочь.

Линзы нашлись на туалетном столике, одежда — на банкетке, нижнее белье — на полу, рядом с белоснежной корзиной. В какой последовательности они попали ночью на эти места, помнилось плохо. Да и не очень-то хотелось вспоминать: с каждой минутой на душе становилось все более обидно и досадно... Она здесь лишняя. Точно так же, как могут быть лишними в этой квартире не подходящие к интерьеру сувениры, картины или подаренные ею накануне тапочки.

Когда Катя вышла из ванной, в спальне никого не было, огромная кровать была аккуратно застелена белым покрывалом. Никаких следов романтической ночи. В гостиной и на кухне они тоже отсутствовали. Обеденный стол убран так же тщательно, как и спальня: ни посуды, ни подсвечника, ни скатерти. Словом, ничего, что напоминало бы о вчерашнем вечере.

Маленькая чашечка кофе одиноко дожидалась ее на барной стойке. Сложив руки на груди, хозяин стоял у окна и сосредоточенно рассматривал заснеженный пейзаж. Словно только того и ждал, чтобы гостя за его спиной быстрее ретировалась.

«И когда он все успел? — ступая на цыпочках в сторону прихожей, в очередной раз удивилась Катя. — Вряд ли в выходной день приходила домработница. Значит, он почти не спал. Или очень рано проснулся, потому что не мог спать. Почему? Потому что в его кровати оказалась женщина, а теперь вот он не знает, как ее,

дуру, отсюда выпроводить... Идиотка! — принялась она себя ругать и, подвернув джинсы, стала быстро обуваться. — Разомлела, размечталась! «Как спалось?» — передразнила она про себя Ладышева. — В том-то и дело, что очень хорошо спалось!»

— Ты куда? — вдруг услышала она голос. — А кофе?

— Спасибо, я... Забыла предупредить: с некоторых пор по утрам я пью исключительно чай.

Обувшись, она одну за другой одернула штанины, отодвинула дверь встроенного шкафа, коснулась рукой куртки.

— Чай так чай. Куда ты? Не спеши... — как-то неуверенно предложил он.

— Ну что ты! Мне давно пора, — насмешливо отказалась Катя. — Извини, что посмела посягнуть на твои холостяцкие покои. Не исчезла, как положено, ни свет ни заря, позволила себе понежиться в твоей постели. Не обучена. Ты бы предупредил, как принято от тебя по утрам уходить: я бы тихонечко, по стеночке.

— Катя, ты... Что с тобой? Ты неправильно все понимаешь, — Вадим в растерянности замялся, затем, словно собравшись с духом, признал: — Если уж на то пошло, в этой квартире действительно никогда не ночевали женщины.

— Ай-яй-яй! Бедолага! — посочувствовала она, набросила на плечи куртку, просунула в нее руки, застегнула молнию и подхватила стоявшую рядом сумку. — Как же тебе было неудобно в собственной спальне. Мог бы мне и в кабинете постелить, чай, не принцесса. И исчезла бы ранехонько, не шурша... Так что все я правильно поняла, Вадим. Хорошего тебе дня! Дверь только помощи открыть, чтобы я ненароком твои замки не сломала.

— Подожди, не уходи. Успокойся. Наверное, я в чем-то не прав...

— Ты всегда и во всем прав, так что не оправдывайся. Открой, я спешу. У меня встреча с мужем.

— Понятно... Теперь решила пойти на мировую? — Вадим бросил на нее изучающий взгляд.

«Ага, именно для этого я с тобой и переспала! — по-своему истолковала она его вопрос. — А что, теперь квити! Он хотя бы понимает, на что намекает? — разозлилась Катя. — Может, послать его?»

— Как знать! В свете последних событий, возможно, имеет смысл помириться. Как говорила моя бабушка, надо хорошо подумать, стоит ли менять быка на индюка, — язвительно добавила она, что, несомненно, бросало тень на некие мужские достоинства Вадима.

— Тебя подвезти? — тем не менее, следуя правилам хорошего тона, предложил Вадим, поворачивая замки.

— Спасибо, сама доберусь. Не царское это дело — развозить по домам заспавшихся подружек. Бывай! — бросила она, решительно шагнула на площадку, быстро пересекла общий с соседней квартирой тамбур и поспешила к лифту.

Торопливо шагнув в раскрытые двери, она нажала кнопку, прислонилась к зеркальной стенке и закрыла глаза.

«Дура, какая же я дура! — принялась она себя ругать. — Ну почему я уродилась на свет такой дурой?»

Только она успела так подумать, как сверху что-то заскрежестало, лифт, спустившись на пару этажей, неожиданно дернулся и остановился.

«Застрял, — поняла Катя. — Только этого мне сегодня не хватало для полного счастья!» — и в сердцах принялась нажимать все кнопки подряд.

Никаких признаков жизни. Наконец в кабине раздался щелчок, и усиленный динамиками женский голос недовольно спросил:

— Что случилось?

— Лифт застрял.

— Адрес?

Катя замерла. Точного адреса, как и номера подъезда, она не знала.

— Сторожевская... Извините, но я не знаю номер дома. Это пристройка к «Панораме», — сбивчиво попыталась объяснить она.

— Подъезд?

— Тоже не знаю... Он ближе к основному дому! Я здесь в гостях, — словно оправдываясь, пояснила она.

— Понятно. Ждите, — насмешливо «успокоила» диспетчер.

Сколько ждать, как водится, она не сказала. Раздосадованная, Катя ткнула лбом в зеркальную стенку и глаза в глаза встретилась со своим отражением.

«Так тебе и надо! — мысленно пожелала она стоявшему напротив двойнику. — Вот и подарила тапочки!.. Позвонить кому, что ли? — в поисках телефона принялась она шарить в сумочке, висевшей на плече. — Излить горе? Вот только кому? Ленке с Людкой?.. Нет, только не им... Дожила, уже и поплакаться некому... А где же телефон?» — так и не обнаружив его в сумочке, Катя принялась изучать содержимое карманов.

Не было не только мобильного, но и перчаток. В придачу ко всему сумка соскользнула с плеча и глухо шмякнулась на пол. И, как специально, вниз незастегнутой молнией.

«Да что ж это за утро такое!» — Катя, присев на корточки, стала собирать выпавшие вещи.

Внимание тут же привлек косметический набор с просыпавшейся из щели то ли пудрой, то ли румянами. Какая жалость! Она распаковала его только вчера и специально взяла с собой: вдруг пришлось бы носик припудрить, губы подкрасить. Быстро раскрыв коробочку, Катя печально вздохнула: все, набору крышка! Даже блеском для губ не воспользуешься — весь в налипших крошках теней. И зеркало разбилось... А для полного счастья еще и палец поранила, пытаюсь очистить его от косметической пыли...

Захлопнув набор, она забросила его и остальные вещи в сумочку, сунула в рот кровоточащий палец и внимательно осмотрелась, не осталось ли чего на полу. Так и есть, сложенный вдвое маленький листок бумаги с двумя цифрами.

«Дата ЭКО, — вспомнила Катя. На глаза опустилась пелена слез. — Давно прошла... И за что мне все это? За что?!» — смяла она записку и, даже не пытаясь себя сдержать, разрыдалась...

Двери лифта раскрылись внезапно. Выглянув на площадку и никого не обнаружив, Катя отыскала лестницу и побежала вниз. Пулей промчавшись мимо консьержа и людей, ожидавших работающего лифта, она выскочила во двор и, размазывая по щекам слезы с бившими по лицу снежными льдинками, торопливо зашагала в сторону улицы Богдановича...

...Упершись рукой в дверной косяк, Вадим слушал, как стихли шаги и в глубине тамбура закрылись двери лифта.

«Как с цепи сорвалась... Догнать? И что дальше? Ребята вот-вот нагрянут, — тяжело вздохнул он, закрыл замки, прошел к барной стойке, взял чашечку с остывшим кофе, вылил его в раковину и включил воду. — Хотя... с ее точки зрения, было на что обидеться. К примеру, кофе в постель не принес. Полный мерзавец, — усмехнулся он. — Но наверняка дело здесь не только в кофе...»

Поставив ополоснутую чашку в шкафчик, он подошел к окну, по привычке сложил руки на груди и, провожая рассеянным взглядом пробежавшие мимо машины, продолжил размышления.

То, что произошло сегодня ночью, с одной стороны, представлялось вполне закономерным финалом встречи мужчины и женщины. С другой... Наверное, он слишком долго мечтал именно о такой ночи: желание плоти как следствие желания души, а не наоборот. Это было как награда — сладкая, манящая, еще совсем недавно такая нереальная.

Тогда что же он делает? Почему так легко отпустил от себя эту женщину? Более того, всем своим видом дал понять, что не ценит этой награды, воспринимает ее как обыденность. Что это? Защитная реакция? Или он трусил, потому что, согласно дальнейшей логике тайных желаний, придется что-то кардинально менять в своей жизни?

Он многому не находил объяснений. Например, почему его тянет именно к Кате? Почему он все время ловит себя на мысли, что думает о ней, хочет ее видеть, слышать, разговаривать с ней, при-

касаться?.. Почему ему постоянно хочется сделать для нее что-то приятное, удивить, помочь, защитить? Почему сейчас, когда вроде бы достигнута некая честолюбивая цель, ему так тяжело с ней расставаться?

Первый звонок, будто с ним что-то не так, прозвучал после того, как он узнал о ДТП и тут же бросился ее разыскивать. Честно говоря, тогда Вадим не придавал своему порыву особого значения, так как это легко объяснялось: он может кому-то посочувствовать. Надо было помочь пострадавшей женщине, поддержать, утешить.

В следующий раз это случилось на даче в Крыжовке, и чувства были уже несколько иными, словно поднялись на ступеньку выше. Он тогда едва с табуретки не свалился, поглядывая то в коробку с электрическими проводами, то на кровать! Нежность, которую вызывала в нем спящая Катя, отвлекала, мешала сосредоточиться, что было совсем неожиданно: ни фигурой, ни возрастом, ни статусом пока еще замужней дамы она не являлась идеальным воплощением объекта его грез.

Тогда в чем дело? В душевной тяге? В естественности, такой трогательной и губительной одновременно? Чем больше он с ней общался, тем сильнее было удивление: Катя не вписывалась ни в один из его годами выверенных стереотипов женского поведения. Смелая, дерзкая, независимая, чувственная, ранимая — она словно обладала некой магической силой, заставлявшей совершать не свойственные ему ранее необдуманные поступки. Почти безумства!

Признаться честно, Вадим давно не встречал женщин, ради которых с такой легкостью менял бы свои планы, носился по городу, караулил у дома, знакомил с друзьями. А уж тем более приглашал в свою квартиру! Это было из категории неприкасаемого — его жилище. И вот, пожалуйста, здесь впервые переночевала женщина! Что же такое с ним творится?

Научившись распознавать скрыто посягающих на него дам и приняв правила их игры, он, как выяснилось, оказался совершенно не способен охотиться сам. Не помня, а вернее, не зная отказа у

женщин, он не то чтобы охладел к этому виду «спорта», он элементарно разучился ухаживать! Более того, как только решался на какой-то шаг, на него неожиданно накатывал ничем не мотивированный парализующий страх: а вдруг он ей неинтересен, не нужен и выглядит в ее глазах заурядным навязчивым ухажером? Ведь Катя же его не разыскивает, не ждет под подъездом? Да и вообще не звонит, хотя могла бы легко найти повод.

От таких мыслей Вадим мрачнел, уходил в себя, цепенел. А едва отпускало, начинал злиться — на себя же, на свое безвольное поведение. Пытался бороться с собой, пытался выбросить из головы всю эту дурь, давал слово, что так оно и будет. И если до позавчерашнего вечера ему каким-то образом удавалось контролировать свое поведение, то после изучения папки с материалами он даже не пытался себя остановить. И дело не столько в цифрах, которые ей удалось для него раздобыть. Главное — Катя его не забыла, она работала над его заданием, при ее колоссальной загруженности совершила почти невозможное, он же в последний раз наговорил ей черт знает чего! А тут еще выяснилось, что ей снова нужна его помощь, его поддержка, его защита.

Встреча окончательно расставила все по своим местам: рядом с Катей ему хорошо, а на душе, как это ни банально звучит, тепло и светло. И радостно. Даже петь хотелось!

И все же в субботу с утра его снова стали подтачивать сомнения, которые достигли пиковой точки, когда она не появилась в зале к назначенному времени. Он даже успел растеряться, обидеться в душе. Однако с появлением Кати все переменилось: глупые мысли улетучились, настроение моментально улучшилось, он всей душой стал откликаться на смех, шутки, веселье.

Пожалуй, это был самый счастливый день рождения со времен детства, когда само ожидание праздника доставляло неописуемый восторг. Ни свет ни заря просыпался он с улыбкой и с ребяческим нетерпением ждал часа, когда вечером за праздничным столом соберутся гости и дело дойдет до подарков.

Вчерашние вечер и ночь превзошли его ожидания: красиво, романтично, нежно. Переполнявшие положительные эмоции зашкаливали, не давали уснуть, мысли все смелее устремлялись в будущее. И вдруг ему стало страшно. Так бывает: внезапно тебя охватывает паника, страх в один момент потерять то, к чему стремился, за что боролся, чего наконец-то достиг. Вот оно есть, но в одно мгновение может исчезнуть! Как сон, как наваждение: было — и нет. Растаяло, испарилось. И вернуть невозможно, потому что нельзя вернуть то, чего уже нет. Однажды с ним такое уже случилось, едва выжил...

При этом воспоминании страх достиг кульминационной точки, мыслительный процесс застыл, словно попал в ловушку, в тупик, из которого нет выхода. Тело обмякло, покрылось липкой испариной... Надо было срочно чем-то себя спасти.

Стараясь не потревожить сон Кати, Вадим покинул спальню и автоматически стал наводить порядок: сначала на кухне, затем в кабинете. С детства терпеть не мог ни грязной посуды, ни лежащих на неположенных местах вещей. Но не так-то просто было отмежеваться от нахлынувших воспоминаний...

В свете главенствующих материальных ценностей современного общества тридцативосьмилетний Вадим Сергеевич Ладышев считался весьма завидной партией для соискательниц безоблачного семейного счастья. Имеет устойчивый бизнес и жилплощадь в элитном доме в центре города, две крутые машины — «Рендж Ровер» и «БМВ». К тому же внешне — само воплощение женской мечты! И — непорядок — до сих пор ходит в холостяках!

Естественно, недостатка в желающих занять вакантное место супруги Ладышев не испытывал.

А ведь так было не всегда. В подростковом возрасте пухлый, даже толстый в сравнении со сверстниками Вадим постоянно комплексовал по поводу полноты, по поводу одежды, которая никак не прятала недостатки — и налазила с трудом, и трещала по всем